

творы аўтар надзяляе рэчы характарам і розумам, яны маюць свой настрой, паводзяць сябе нахабна і здэкліва ў адносінах да Дзіты, выстаўляючы героя перад Лінай дзіваком, недарэкам і хлусам. Усё апавяданне – гэта імкненне Дзіты перамагчы рэчы: «Дзіта зразумеў тады, што жыццё палягае ў цяжкім змаганні з рэчамі, але ўвадна-час падумаў, што змаганне гэта марнае, бо Ліна ніколі не дасць веры яму, а заўсёды будзе верыць рэчам» [1, с. 67].

Герой шукае выйсце са становішча ў якім ён апынуўся, сам ператвараецца ў якую-небудзь рэч, з мэтай падбіць рэчы рабіць шкоду і Ліне, што, на думку героя, павінна было даказаць яго невінаватасць перад жонкай. Пацярпеўшы паражэнне, Дзіта хоча знішчыць рэчы, пазбавіцца ад іх цалкам. Аднак і гэта не прывяло да жаданага выніку. Калі Дзіта мог бы абысціся без рэчаў, то Ліна – не: «Сьпярыша Дзіта спрабаваў бязлітасна нішчыць рэчы: на абурэнне Ліны ён кроіў біліны на дробныя кавалачкі й выкідаў на сьметнік, выпускаў пасту зь цюбіка проста ў мыйніцу, бяз даў прычыны адрываў гузікі з вопраткі й шпурляў іх куды папала, выліваў атрамант на двор, а шклянкі біў на сходах. Ліна крычала, плакала, тупала нагамі. Дзіта рабіў так нейкі час, але бачыў, што рэчы – патрушчаныя, пакамечаныя, падраныя й панішчаныя – паводзілі сябе абыякава, як мёртвыя, ім зусім не абыходзілі ягоняя выбрыкі. І ён усёвядоміў, што яму ніколі ня ўдасца расправіцца з усімі рэчамі й барацьба безнадзейная» [1, с. 68–69].

Усе намаганні героя марныя, што ён не рабіў – вынік адзін: чалавек трапляе ў палон да рэчаў. Такая не суцэльная выснова выкрывае наш перагужаны рэчамі час, пісьменнік у прыгчынай форме паказвае як чалавек у гэтым засілі рэчаў губляе асалоду ад жыцця, ён не можа спакойна існаваць, бо кожны новы дзень – новы віток барацьбы з рэчамі, сэнсам быцця асобы становіцца бязглызды пошук выйсця, а рэчы тым часам усё больш і больш пачынаюць вызначаць кожны новы дзень.

Маладая польская проза прасякнута вострым адчуваннем амбівалентнасці прасторы і часу як «асяродку пражывання» сучаснай свядомасці. Яна імкнецца адлюстраваць быццё чалавека ў межах урбаністычнай прасторы, насычанай, нават перанасычанай, бытам, які часцяком прыводзіць да засілля штодзённасці («Вайна з рэчамі» Л. Калакоўскага, «Прачынайся, ты забіты» В. Такарчук, «Маленькая пухнатая смерць». Е. Сасноўскага). У фокусе апаведу твораў – унутраны свет персанажа, у сваёй большасці «сярэдняга» героя, намалёванага ў абстаноўцы будзённасці. Адлюстраванне асобы ў бытавой прасторы дазваляе пісьменнікам выявіць асаблівасці сацыяльнага каларыту нацыянальнага быцця найбольш поўна і дакладна.

ЛІТАРАТУРА

1. Дваццаць польскіх апавяданняў ; пер. з пол. ; уклад. А. Хадановіч. – Мінск : і. П. Лёвінаў, 2007. – 312 с.

Ін-Дун (Китай)

ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ КОНЦЕПТА «ВОДА» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Экзистенциальность в научной литературе обычно трактуется как человеческое существование, жизнь человека в его различных проявлениях. Довольно часто для образования экзистенциальных ЛСВ используются первичные значения слов, называющих водные пространства. В большом ряду таких названий лидирует существительное вода. Сам же концепт «вода» наряду с такими понятиями, как воздух, небо, земля, считается ключевым концептом любой национальной культуры и в определенной степени отражает

специфические черты народа, особенности его менталитета и национально-культурного мировидения. Это связано прежде всего с тем, что вода играет важнейшую роль в жизни любого народа.

Исследование этого концепта вызывает большой интерес у филологов, которые рассматривали его с точки зрения структуры и способов репрезентации в языке, в качестве культурной константы, в аспекте соотношения языка и сознания (работы Г. Н. Складневской, Н. В. Гришиной, Т. И. Бадмаевой, Ю. С. Степанова, В. В. Колесова, Л. В. Балашовой, В. В. Воробьева, Е. С. Кубрякова и др.).

В смысловую структуру слова вода в современном русском языке включаются следующие ЛСВ: 'прозрачная бесцветная жидкость'; 'минеральные источники', 'водная масса реки, озера, моря', 'водные пространства, участки морей, озер, рек'; 'напиток'; 'водный раствор'. Отмечается также переносный ЛСВ 'пустые безсодержательные фразы, многословие при бедности содержания'. Значения китайского слова 水 (shuǐ) 'вода' в слове современного китайского языка сводятся к следующему: 'прозрачная бесцветная безвкусная жидкость', 'течение реки'; 'акватория реки, озера, моря, океана'; 'сол'; 'микстура'. Вторичные ЛСВ китайского 水 (shuǐ) составляют более разветвленную (чем в русском языке) структуру, в которой выделяются следующие смысловые центры: 'недозволенные сферы деятельности'; 'сорт товара', например: 头水货 'первосортный товар'; 'дополнительные доходы или расходы'; 'условия жизни монахинь и блудниц'.

Со словом вода в русском и китайском языках используется большое число фразеологизмов разной смысловой направленности: рус. тихая вода, большая вода, живая вода, мертвая вода, мутить воду, плыть против воды, толочь воду в ступе, десятая вода на киселе, в решете воду носить, как две капли воды похожи, водой не разольешь и др.; кит. 拖人下水 tuōrénxiàshuǐ – тащить человека в воду (вовлекать, втягивать кого-либо в грязное дело); 水乳交融 shuǐ rǔ jiāo yǒng – смешиваться как вода с молоком (тесная близость, близкие отношения, неразрывная связь); 如鱼得水 gǔ yú dé shuǐ – чувствовать, вести себя как рыба в воде; 滴水穿石 dī shuǐ chuān shí – капля воды камень точит; 饮水思源 yǐnshuǐsīyuān – когда пьешь воду, думай об источнике (помнить добро, быть благодарным); 竹篮打水一场空 zhú lán dǎ shuǐ yī chǎng kōng – носить воду в бамбуковой корзине (заниматься бесполезным делом); 君子之交淡如水 jūnzǐ zhī jiāo dàn gē shuǐ – отношения между благородными людьми легки как вода (хорошие отношения должны быть простыми, без фамильярностей).

В образе воды в русском и китайском языках выражается одна из исходных стихий, идея движения, изменчивость, поток сознания, жизнь человека. Метафорическая модель «вода – жизнь» представлена в многочисленных дискурсах русской и китайской литературы, где субстантив вода встречается в самых различных контекстных фрагментах, которые способствуют более глубокому и полному раскрытию образа жизненной дороги.

По мнению многих ученых Древнего Китая (Конфуция, Лаоцзы, Мэнцзы и др.) наблюдение за водой похоже на наблюдение за жизнью человека. По этому поводу Конфуций пишет, что мудрый человек любит воду, а умные люди, как вода, проявляют здравый смысл, имеют быструю реакцию и активное мышление (智者乐水 Zhìzhě yào shuǐ). Он отмечает быстротечность жизни человека: время безостановочно, бежит, словно вода, и днем и ночью; поэтому надо беречь время (逝者如斯夫! 不舍昼夜 shì zhě rú sī fū, bù shě zhì yè).

Приведем некоторые примеры, где водные пути и пространства отождествляются с жизнью человека. Данные китайские материалы взяты из Корпуса китайского языка [1], составленного лингвистами Пекинского университета (материалы представлены публицистическими, научными, художественными и другими текстами).

Вода ↔ жизнь:

Я в人生的水域里游了几十年, 许多事都忘记了, 但那一朵一朵的绚丽浪花却永久地在我的记忆和感受中闪光。Я в воде жизни своей проплыл десятки лет, хоть многое уже и позабыл, но в памяти моей и моих чувствах всегда мерцает то множество прекрасных волн.

Река ↔ жизнь:

生活也是一条河, 一条流着欢乐也流着痛苦的河, 一条充满凶险而又兴味无穷的河。(古华) Жизнь – это река, в ней не только радость и горе, она еще опасная и интересная (Гу Хуа);

我觉察到我的人生的河流在慢慢地、慢慢地流入大海。Я чувствовал, что река моей жизни постепенно впадает в море;

在人生的长河里, 我与邓老的共事是短暂的, 但他给我的记忆却是久远的。В длинной реке жизни время, в течение которого я работал вместе с Дэн Лао, было незначительным, но память, которую он мне дал, была вечной.

Океан, море ↔ жизнь:

生活就是海, 那是比幻梦中的海更深沉、更辽阔, 有着更多的巨浪和风暴, 因而更是更美丽、更庄严的海。(曾卓) Жизнь – это море. Только это море намного более глубокое и необъятное, чем то, что является нам во снах. На нем поднимается больше волн и случается больше штормов, отчего оно еще более прекрасное и величественное (Цзэн Чжуо);

人生是大海。就得学会掌舵。Жизнь – это море. Вы должны научиться стоять у руля; 离去者当已进入天国, 而诗人正在人生的海洋上继续扬起他的风帆! (曾卓) Подобно умершему, что вступает в Царство Небесное, поэт продолжает поднимать свои паруса в океане жизни! (Цзэн Чжуо).

Озеро ↔ жизнь:

生活是深的湖, 艺术也是深的湖, 人们生于斯、长于斯、游于斯, 却谁也不可能贯通它的所有的层次。Жизнь – глубокое озеро, и искусство – также глубокое озеро. Люди рождаются тут, растут и плавают, но никто не может проникнуть во все слои его;

如果我的生活是一湖春水, 那么绚丽的涟漪就是你。Если моя жизнь – это озеро весенней воды, тогда вы – это прекрасная зыбь.

Колодец ↔ жизнь:

这种生活»对于我的创作来说, 却是一口汲之不完的小井。Та часть жизни, что касается моего творчества, – это неисчерпаемый колодец.

Русло ↔ жизнь:

我不得不扪心自问, 在生命的河床上, 自己给自己垒起了多少块死亡的岩石。Мне придется спросить себя, сколько смертоносных камней я построил в русле жизни.

Прилив, отлив ↔ жизнь:

生命只是一片泛滥不定的潮水, 没有一些着落 Жизнь – это просто неопределенный прилив без точки падения;

请把最宝贵的东西献给朋友! 假若你生活的退潮值得向朋友讲, 那么也应该让他知道涨潮情况。Пожалуйста, посвятите самые дорогие вещи своим друзьям! Если отлив вашей жизни стоит рассказать своим друзьям, тогда вы также должны сообщить ему о приливе.

Шторм ↔ жизнь:

她选择公布身份警醒他人, 迎接人生最猛烈的风暴 Она решила обнародовать свою личность и отрезвить других, чтобы потом встречать самый сильный жизненный шторм;

这种满足使我在生活的暴风雨里得到了庇护。Это удовлетворение дало мне убежище в жизненном шторме.

В русском языке в метафорическое поле вода включаются различные ЛСВ (лексико-семантические варианты), основанные на таких свойствах и качествах, как фор-

ма существования воды, характер и особенности ее движения, состояния воды и др. Приведем некоторые примеры: Жизнь – море. Как Ноев ковчег на волнах каравелла, доносится из темноты о спасении крик. (А. Ладинский); Увы, всю жизнь – одни озера, бездны, выси! (Б. Лившиц); Не жизнь ли человек нам / Сей водопад изображает? / Он также благом струй своих / Поит надменных, кротких, злых. (М. Державин); Жизнь исчисляют не годами, она течет, как волны рек. (Ю. Одарченко).

Таким образом, концепт вода относится к числу древнейших и важнейших ключевых концептов в национальной концептосфере русского и китайского языков. Он отражает важнейшие категории и установки жизненной философии русского и китайского народов, передает специфику национально-культурного мировидения этих народов и находит свое отражение в религиозных и мифологических, представлениях, фольклоре, легендах, обрядах, пословицах и поговорках, фразеологических выражениях. Не смотря на определенные различия вторичных ЛСВ водных пространств и массивов (океан в русском языке, например, символизирует большой пласт знаний, в китайском – представления о вещах из-за границы; болото в русском языке имеет негативную окраску, в китайском – как отрицательную, так и положительную), структуру метафорического поля концепта вода объединяет наличие вторичных ЛСВ, связанных с экзистенцией бытия, жизнью и деятельностью человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. 詹卫东、郭锐、谌贻荣, 2003, 北京大学中国语言学研究中心CCL语料库(规模: 7亿字; 时间: 公元前11世纪-当代), 网址 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus. – Дата доступа: 19.09.2018.

Кабушка У. У. (Мінск, Беларусь)

ЭПІСТОРЫІ МЯНУШАК

Навук. кіраўн. – Н. П. Лобань, канд. філалаг. навук, дац.

У дахрысціянскі перыяд імя было роўнае мянушцы. У XVII–XVIII стст. імёны-мянушкі ў функцыі, блізкай да функцыі ўласнага асабовага імені, сталі ўжывацца радзей, бо пачалі выціскацца кананічнымі хрэснымі імёнамі [5, с. 62].

Сярод мовазнаўцаў усталявалася думка, што мянушкі набывалі асаблівую папулярнасць у тых народаў, у якіх існуючая сістэма ўласных асабовых імён была запазычана, таму простыя людзі не разумелі першаснага, зыходнага значэння імені. Так было ва ўсходніх славян, якія разам з прыняццем хрысціянства атрымалі новую сістэму іменавання, а з ёй – і незразумелыя для іх імёны лацінскага і грэчаскага паходжання [3, с. 421]. Таму яшчэ некалькі стагоддзяў пасля прыняцця хрысціянства амаль кожны чалавек меў, акрамя царкоўнага, яшчэ і язычніцкае імя, якое, па сутнасці, і было мянушкай. У сувязі з гэтым У. Івашка характарызуе мянушкі як элемент язычніцкай сістэмы імён з апелятыўна значнымі асновамі.

Гістарычных помнікаў дахрысціянскага перыяду захавалася вельмі мала, а тым, што ёсць, грэка-візантыйскія. Таму цяжка апісаць антрапанімію дахрысціянскага перыяду. Аднак з упэўненасцю можна гаварыць пра тое, што асноўнай адзінкай называння чалавека ў той час было імя і што імёны ў дахрысціянскі перыяд былі прызваннямі (або своеасаблівымі мянушкамі), якія ўтварыліся на базе апелятыўнай лексікі. Старажытны чалавек адухаўляў прыроду, верыў, што з навакольным светам можна весці размовы, як з чалавекам, верыў у магічную сілу слова, быў упэўнены, што жылі дрэвы, розныя з'явы прыроды, назвы якіх узяты ў якасці імён, становяцца апекунамі, ахоўнікамі іх носьбітаў [4, с. 3]. Старажытныя людзі «ўтойвалі свае імёны